

Валерий КИМ

РОЖДЁННЫЙ ЛЕТАТЬ

Очерк

В сентябре две тысячи шестнадцатого года в больнице Новокузнецка скончался от рака известный советский и российский фотограф Владимир Соколов. Перед смертью своей он оставил товарищам по фотографической работе творческое завещание, опубликованное потом на интернет-страницах фотоклубов «Томь» и «Сибирь».

В завещании говорилось: «...Я любил свою Родину и понял о ней вот что... Создать на её пространстве истинно великую РУССКУЮ ФОТОГРАФИЮ можно только через полное самопожертвование и тотальную самоотдачу, сродни той, с которой предки наши прошли бесконечное тело Страны. А значит, как и предки, мы создаем плиты и глыбы – галечник не для нас. Насквозь и не оглядываясь. Света на Пути вам и вашим Фотографиям, Братья!.. Спасибо всем, с кем встретился на Пути, кому жал руку, делил хлеб и беседу. Света вашей Фотографии, братья. И храни вас Господи...»

Оказывается, в те самые дни, когда я блуждал по дорогам и тропинкам Приморья в поисках смысла жизни и ответов на неразрешимые вопросы бытия, в Новокузнецке умирал мой ровесник... Тот, кого искусствоведы и культурологи назовут в будущем русским Картье-Брессоном... Он-то нашёл то, что хотел найти, и потому умирал спокойно...

Расскажу об одной-единственной встрече с Соколовым осенью тринадцатого года. Вернувшись из поездки по Приморью, я недели две приходил в себя. Отдыхал с внучками и женой на турбазе, потом копал картошку в своём саду, готовил его к зиме... О возвращении к педагогической работе даже не думал. Слишком уж горький осадок у меня остался от Дома творчества одного из районов Кемерово. Ведь мне даже слова доброго не сказали, когда я уходил на пенсию. Будто был там обузой для остальных работников.

Около 10 сентября я сел за компьютер и принялся с увлечением за путевые очерки. Но... 15 сентября мне позвонили из Центра детского технического творчества и предложили принять участие в областном семинаре руководителей детских фотостудий. Я попробовал отказать, объясняя, что уже нахожусь на «заслуженном

отдыхе»... Но методисты из Центра настаивали на моем участии в семинаре. Сказали, что он будет проходить в Горной Шории и мне не придётся платить за дорогу и проживание ни копейки... И что у нас будет возможность выехать на пленэрную фотосъёмку в окрестности Каза и Шерегеша. И это меня свалило наповал! Ведь я давно мечтал побывать на горе Зелёной и увидеть своими глазами знаменитый горнолыжный комплекс.

Естественно, я тут же согласился участвовать в семинаре. Наконец, настало 18 сентября, и я рано утром отправился в Центр ДТТ. Там меня уже ждали двое методисток, Владимир Г., педагог Евгения Б. и двое преподавателей из университета культуры. Я так торопился, что забыл дома тёплый свитер. Пришлось звонить жене. В спешке она вместо мужского свитера взяла свой... И что мне оставалось делать?! Я положил скрепя сердце свитер в сумку, надеясь, что в Шории будет стоять тёплая погода. Ну а если похолодает, то... под осенней курткой фасон женского свитера не будет заметен...

Наконец я помахал жене рукой и сел в легковую машину. Владимир Г. с преподавателями поехали в грузовой «Газели». Путь был весьма долгим – целых пять часов до посёлка Каз. Там планировалась первая остановка и встреча с педагогами Центра детского творчества. После неё – обед и выезд на пленэрную фотосъёмку. Кроме того, в Казе к нам должен был присоединиться ещё один фотограф из Новокузнецка, о котором я совершенно ничего не знал. А это и был Владимир Соколов...

Он выглядел простым седовласым мужиком с большой окладистой бородой. Я даже удивился, увидев его в пазике... Но чего в жизни не бывает?! Если хочет человек носить роскошную бороду – пусть носит. К фотоискусству борода не имеет особого отношения.

Окрестности Каза довольно живописны. Этот горняцкий посёлок, о котором я знал ещё со времён своей молодости, расположен в предгорьях Горной Шории. Вокруг него раскинулась смешанная тайга, уходящая до самого горизонта... А там, где начинались высокие горы, в этот день сгустились тучи и шёл дождь. Всё указывало на то, что по приезду в Шерегеш нас ждёт похолодание... Но в Казе этого не случилось, и мы с удовольствием снимали лесные и горные пейзажи, домики местных жителей, железную дорогу и церковь, расположенную рядом с поселковым сквером... Ничего особенного я в Казе не снял. Щёлкал без усталости затвором своей камеры, не жалея ни питания аккумулятора, ни карты памяти...

В основном все снимали панорамные пейзажи. Преподаватель из университета по имени Александр для этого использовал... советскую «Смену»... Наверное, привык к ней ещё с детства... Ну что ж: когда-то и я увлекался ею. И сделал «Сменой» множество снимков в поездках на Волгу и на Братское море... Правда,

113

«Смена» больше подходит для чёрно-белой советской плёнки, а не для цветной импортной...

А вот Соколаев меня удивил очень. Вместо пейзажей он снимал макро своей цифровой зеркалкой. В одном месте поставил на пенёк бутылку с недопитой газировкой и снимал её «от пупа», даже не заглядывая в видоискатель. Я так изумился, что несколько раз снял «мужика» за этим занятием. Не подозревая, что через три года одна из этих фотографий попадёт на городскую выставку под названием «Фотограф – профессия сложная»...

После пленэрной съёмки мы вернулись в Центр творчества и вместе с другими педагогами направились в Таштагол. Въехали в новый район города, и нас сначала повели в ресторан. За столом я сидел вместе с Соколаевым и Владимиром Г. Тот по своей неизменной привычке стал хвалиться и рассказывать, как в молодости летал в Москву из Донецка на американскую фотовыставку. Выставка была тем необычна для советской страны, что на ней было много фотографий обнажённой натуры. Вот за этими снимками – сенсационными в нашей стране – студент Г. летал на самолёте, заплатив за билет всего... шестьдесят рублей. Смешная сумма по нынешним ценам!..

Ну а что Соколаев? Соколаев больше отмалчивался или согласно кивал Г. Оказывается, они были друзьями. Поэтому Г. про свои похождения молодости рассказывал не ему, а нам – «скромным труженикам педагогики дополнительного образования»... Особенно мне – коллеге по нашей первой профессии горного инженера... Да, я полностью с Г. согласен: Донецк по сравнению с Кемеровом – город очень культурный. Когда он был дореволюционной Юзовкой, в нём проживало семьдесят тысяч человек. А к концу советской власти – почти миллион жителей! И жителей коренных, а не собранных со всей страны в результате раскулачиваний и репрессий...

После обеда мы направились в Дом детского творчества. И там я – к стыду своему! – первый раз в жизни увидел фотографии Владимира Соколаева. Произошло это так. Работники дома творчества хорошо подготовились к нашему приезду. Даже оформили фотовыставку детских работ. Правда, фотографии были помещены в рамки формата А4 и потому совершенно не смотрелись в экспозиции. Этикетки большого размера были тоже вставлены в рамки, а не приклеены под ними... Это вызвало недовольство Г. – очень опытного экспозиционера. Он стал критиковать организаторов выставки, да так, что они только краснели и потели от стыда... Мне стало неудобно за своего коллегу. И я принялся хвалить некоторые работы детей. Сказал, что красивые пейзажи Горной Шории снять в Таштаголе несложно. Но с творческой точки зрения гораздо интереснее делать снимки жанровые, макро и диких животных. И на этой выставке такие работы есть!

Услышав моё замечание, Владимир Г. посмотрел на меня, как на врага народа, и опять стал критиковать авторов фотовыставки. И то они неграмотно сняли, и это композиционно никуда не годится... Но, неожиданно для мэтра детской фотографии, меня поддержал Владимир Соколаев. Он сказал, что не важно, как оформлена выставка, а важно то, **что** хочет показать фотограф. Поэтому жанровые фотографии на выставках ценятся гораздо больше, чем самые красивые пейзажи. В добавление к сказанному Соколаев попросил включить видеопроектор и показать его снимки, сделанные более тридцати лет назад.

И тут произошло маленькое чудо! Большинство людей в комнате не ожидали увидеть **такие** снимки. Они просто отвыкли от них за постсоветское время. Привыкли к красивым пейзажам, красивым женским и детским портретам, к репортажным снимкам из жизни столичных городов... А тут увидели простую жизнь простых советских людей в простом советском городе Новокузнецке... И эти фотографии были настоящим откровением для всех – в том числе и для меня! Ведь я долгое время думал, что в Новокузнецке есть только один выдающийся фотограф – Николай Бахарев. А оказалось, что есть и другой. Не тот, что увлекался съёмкой обнажённых женщин в коммунальных квартирах и общежитиях. А тот, что снимал простых людей, занятых самыми разными делами и проблемами: старушку в автобусе с проездным билетом... во рту; женщину, несущую транспарант с надписью «Счастье»; бабушку у лотка с пирожками на зимней ярмарке; девочку-цыганку на белом коне и с игрушечным пистолетом в руке; женщин-пекарей в рабочем перерыве; медсестёр в белых халатах, делающих производственную гимнастику; молодого отца в тельняшке и с младенцем на руках; студентов медицинского института на экскурсии в детском доме; мужиков, пришедших сдавать кровь ради бесплатного обеда и стакана красного вина; других мужиков, валяющихся в парке у скамьи с недопитыми бутылками водки; голых по пояс дорожных рабочих, сидящих верхом на... газовом баллоне; трактористов, обедающих на пашне; пенсионера, роящегося в куче капустных кочанов...

Просмотр фотографий Владимира Соколаева прошёл в полной тишине. Без назойливых комментариев Г. Всем всё стало ясно: как и что надо снимать.

После экскурсии по Дому творчества нас повели сначала в местный краеведческий музей, а потом к церкви, у которой стояла очень большая скульптура-аллегория: Девушка-Олень с ветвистыми рогами... Владимир Г. покрутился немного у церкви для приличия, а потом побежал... в продовольственный магазин. Сказал, что после плохого обеда у него изжога.

Мы же с Евгенией Б. и Соколаевым пошли снимать величественную скульптуру. Поднялись по крутой лестнице на высокий холм, где она была установлена,

и стали осматривать её со всех сторон. Да, это было настоящее произведение искусства! Девушка-Олень с гигагнтскими рогами под вечерним сине-оранжевым небом выглядела великолепно! Но снять её так, чтобы на снимке она смотрелась еще более величественно, было непросто. Поэтому я стал обходить скульптуру вокруг, щёлкая затвором фотокамеры. И в неё постоянно попадали маленькие фигурки Евгении и Соколаева, смотрящих на скульптуру вблизи. Будто они пришли поклониться не скульптуре, а... Духу Горной Шории!.. Но может, так и было?! А Владимир Г. не хотел Духу поклоняться и поэтому избегал от встречи с ним?..

Стоя у изваяния, я вспомнил, что тридцать лет назад уже видел этот район Таштагола. Но тогда здесь была самая окраина города и стояло всего несколько кирпичных домов... А сейчас – вполне современный город, ничем не уступающий Кемерову и Новокузнецку. Да, как время летит быстро! Когда-то я летом загорал на берегу Кондомы вместо того, чтобы спускаться в шахту для научной работы. И брал с собою «Зенит» с телеобъективом «МТО-500». Но не снял ни одного интересного объекта. Посчитал, что здесь нечего снимать... И вот через очень много лет вновь приезжаю сюда с коллегами-фотографами, чтобы снять пейзажи осенней Шории... Да-а-а, удивительная штука – жизнь! Совершенно не знаешь, что тебя ждёт в будущем...

После осмотра скульптуры на берегу Кондомы мы сели в автобус и поехали в Шерегеш, до которого было почти тридцать километров. Шерегеш нас встретил сумерками и холодной погодой. А когда мы вышли у гостиницы из автобуса, увидели, что на горах... выпал первый снег. Снег в середине сентября! Но работники гостиницы сказали, что это вполне обычное явление. Просто нам повезло, и завтра мы увидим гору Зелёную в снегу...

Налюбовавшись горой Мустаг, белевшей вдалеке, мы пошли устраиваться на ночлег. И меня поселили в один номер с молодым преподавателем Александром. С тем, что до сих пор снимает «Сменой».

Только кровать у нас тоже была одна на двоих. Мы подивились такому обстоятельству, но спорить не стали. Просто Александр решил вообще не ложиться спать. Вместо этого будет бродить по посёлку и заниматься ночной съёмкой... Да это же просто шикарно! Особенно для меня...

Устроившись в номере, я спустился со второго этажа на первый и вошел в столовую. Там нас уже поджидал накрытый стол со всевозможными закусками, фруктами и двумя бутылками водки. Чудеса да и только! Это же просто пятизвёздочный отель! Неужели всё бесплатно?!

Когда собралась вся наша компания, мы попросили Владимира Г. сказать несколько слов. И он, конечно, не заставил себя уговаривать. Для начала сказал,

что настоящих фотографов-педагогов в области очень мало. Но здесь встретились самые лучшие из них. Наверное, в первую очередь он имел в виду себя. Мы, конечно, согласились с Г. и выпили за себя любимых... Ну а уж затем Г. сел на своего заезженного конька и заговорил о знаменитых американских фотографах: Салли Манн, Анселе Адамсе, Ирвинге Пенне... Да когда же это прекратится?! Поняв по нашим кислым лицам, что мы не хотим в сотый раз слушать разглагольствования Г., Соколаев заговорил сам. Правда, он выбрал тему очень уж скользкую: кто какими пороками в детстве обладал. Оказывается, сам он любил воровать разные красивые безделушки, и эта «преступная» страсть у него сохранилась до сих пор. Вот как! Наверное, он хотел, чтобы друг Володя поддержал его и рассказал молодым фотографам и педагогам о своих детских проказах. Но Г. очень хитро обошёл эту тему и вновь погнал своего «коня» по диким прериям искусства. Может, потому, что давно уже завязал с художественной фотосъёмкой и ограничивался только теорией и разговорами об истории западной фотографии?

А ведь тема, поднятая Соколаевым, очень важна для понимания природы художественного таланта. Давным-давно уже известно, что детская порочность – это на самом деле наследственная предрасположенность. И отделаться от неё совершенно невозможно. Можно только попытаться направить её в нужное русло и заставить крутить «колесо творчества»... Что и происходит повсеместно с талантливыми людьми... Хорошо, если им попадётся опытный педагог. А если нет? Потому и нужны детские кружки, студии и спортивные секции, чтобы из сгустка порока сотворить нечто Прекрасное и Одухотворённое...

Так и не закончив столь опасный разговор, мы допили всю водку и пошли в комнату к Соколаеву смотреть фотографии на компьютере. Он хотел показать нам свои новые работы, сделанные в путешествиях по Горному Алтаю и Туве... И, кроме того, московские фотоснимки, так как Соколаев по полгода жил в Москве у второй, гражданской, жены... А первая жена и мать до сих пор жили в Новокузнецке. Поэтому Владимир летнюю половину года проводил с ними, в родном городе... Бывают же такие интересные личности!

Но московские фотографии Соколаева меня не впечатлили. А что касается сибирских цветных пейзажей, то и они были далеки от шедевров. Наверное, это понимал и сам фотограф, так как в последнее время он увлёкся видеосъёмками различных природных ландшафтов. Не столько для высокого искусства, сколько для зарабатывания денег... А искусство его осталось в далёком прошлом. Там, где ему не было ещё и тридцати лет.

Соколаев когда-то работал на любительской киностудии Кузнецкого металлургического комбината, потом поступил в Ленинградский институт киноинжене-

ров и заочно окончил его. Основал в Новокузнецке творческое объединение «ТРИВА». Но попал под пресс советской цензуры и надзор КГБ. Спасаясь от них, фактически эмигрировал в Москву, чтобы там затеяться и продолжать работу над своими жанровыми фотографиями в стиле Картье-Брессона...

Устав к полуночи от разговоров и фотографий, я ушёл к себе в комнату и готовился спать. Потом посмотрел в ночное окно и... воскликнул восторженно! Ведь там сиял огнями рудничный копёр ствола «Сибиряк» высотой с двадцатипятиэтажный дом... Когда-то, в годы научной молодости, мои товарищи из Сибирского филиала ВНИМИ ездили в Шерегеш расследовать многочисленные случаи горных ударов, происходивших при проходке этого ствола. Поэтому я о нём многое слышал, но увидел только сейчас – через тридцать лет! Я схватил фотокамеру и принялся через окно снимать копёр, расцветенный огнями...

Встал я 19 сентября очень рано. Захотел побродить по рудничному посёлку с фотоаппаратом в руках и вспомнить свою горняцкую молодость. Ведь я отдал горному делу целых двадцать лет. А то, что в конце концов распрощался с ним, это не моя вина, а скорее счастье. Не захотел быть вечным рабом у горного Духа. Правда, он мне очень за это отомстил, но зато я сейчас свободен и могу делать что хочу и жить как хочу!

Когда я в пять часов утра вышел из гостиницы, вся улица посёлка была в сильном тумане. Только копёр возвышался в этом «молоке» подобно башням-близнякам в Нью-Йорке. Но у тех башен оказалась очень печальная судьба.

Улица Гагарина, на которой стояла наша гостиница, уходила вдаль до самого Мустага. На ней помимо шахтовых зданий и сооружений было много мини-отелей и коттеджей с объявлениями: «Сдаются комнаты и квартиры». Я прошёлся по улице, снимая всё подряд, в сторону заснеженной вершины Мустага. Но потом понял бессмысленность этого и повернул назад. Ведь до горы было несколько километров.

Вернувшись с прогулки по туманному Шерегешу, я пошёл в столовую, чтобы позавтракать. Там уже сидел Соколаев, пивший в одиночестве кофе... На столе от вчерашнего банкета ничего не осталось, зато стояли вазочки с печеньем, пирожками и сырами. Заварив зелёного чая, я сделал себе бутерброд с сыром и маслом. Соколаев внимательно смотрел на меня. Наверное, не мог понять, сколько мне лет. Пятьдесят или даже сорок?.. Но я не стал ему говорить, что мы ровесники. Зачем огорчать талантливого человека с внешностью бородатого старика? Пусть думает, что я относительно молодой и малоопытный педагог-фотограф, которому стоит поучиться у столичного мэтра...

И тут мы как-то неожиданно для обоих разговорились. Соколаев стал рассказывать о горных долинах Тувы. И начал утверждать, что в тех краях когда-то

жили, по его мнению, великаны... И эти мифические великаны были столь сильны, что дробили скалы-останцы на идеально правильные кубы весом в несколько тонн...

Я скептически посмотрел на мэтра и сказал, что эти «великаны» – чисто природные явления. Ведь под действием тектонических напряжений, существующих в земной коре, все магматические и осадочные породы разрушаются не абы как, а по законам линейной механики... То есть в соответствии со своими механическими свойствами...

Соколаев с удивлением посмотрел на меня, но не захотел сдаваться. Стал опять утверждать, что Тува – самое мистическое место на Земле. Ведь там сотни тысяч лет назад жили арии – предки всех белых людей. Именно от них пошли не только древние германцы, но и славяне, англо-саксы и даже римляне... Поэтому ему интересна эта горная страна, в которую он ездит почти каждое лето. Занимается видео- и фотосъёмками природных ландшафтов и уже подумывает о новой фотовыставке на эту тему. Но для организации её нужны деньги спонсоров, разбигающихся не только в бизнесе, но и в фотоискусстве... Нет ли среди моих знакомых таких людей?.. И что я мог ответить на столь сакраментальный вопрос?

К сожалению, у меня не только нет друзей-бизнесменов, но и вообще нет друзей. Все они остались во времена моего детства и молодости... Многие давно уже лежат в могилах. А те люди, которых я знаю как бизнесменов, никогда, ни при каких обстоятельствах деньги «на ветер» пускать не будут. Даже мой брат из Жуковского...

Поняв, что со мной нельзя договориться насчёт спонсорства, Соколаев, вздохнув, пошел к себе в номер – будить Г. А я, наевшись пирожков с бутербродами, отправился одеваться на экскурсию. К тому времени почти все уже встали – даже женщины. Только Г. преспокойно продолжал спать после ночного застолья. Когда он встал, схватил, не умывшись, свой рюкзак, захихнул в него походный примус, кружку из нержавеющей и бутылку воды. Сказал нам, что позавтракает на горе Зелёной... Мы посмеялись над его беспечностью и расселись в автобусе по местам. Александр из университета культуры сидел в окружении женщин – словно молодой хан...

Дорога на горнолыжный комплекс оказалась недолгой. Мы остановились на площадке для автомобилей. Перед нами возвышалась гора с горнолыжной трассой и несколькими подъёмниками. А с левой стороны громоздились по склону живописные дома-гостиницы альпийского типа. Их было так много, что они образовали настоящий горный городок... И это в центре Сибири!

Подошёл туристический автобус, и из него выпала толпа женщин разного возраста. Это были руко-

116

водители школ области и домов творчества. У всех у них были несколько помятые лица после вечернего банкета. Но женщины весело переговаривались между собой, заняв очередь в билетную кассу на подъёмник... Всего за сто рублей мы могли из сибирской осени сразу окунуться в раннюю зиму...

На подъёмнике я раньше никогда не ездил. У меня была возможность совершить подъём на вершину хребта в окрестностях Геленджика, но я пожалел двести рублей на это. И потому пошёл по серпантину, ведущему наверх. Добирался туда целых два часа, а мог бы оказаться там всего через двадцать минут... Вот что такое человеческая жадность!

В люльке канатной дороги со мной рядом сидела молодая женщина. Я ей честно признался, что боюсь высоты. Но она успокоила: бояться не надо. Ведь мы поднимались над горным склоном всего на высоте с десятков метров, не больше. Так что падать – в крайнем случае! – совсем невысоко.

Женщина оказалась права. Ехать в люльке канатки было даже «прикольно». Поэтому я крутил головой в разные стороны и щёлкал затвором фотокамеры. И чем больше я щёлкал, тем меньше во мне оставалось страха перед высотой. Ну а уж когда я оказался на самой вершине горы, то страх и вовсе улетучился. Растворился как утренний туман...

Выйдя из люльки, я огляделся и... задохнулся от невольного восторга. Вокруг меня простирались, словно облака под крылом самолёта, синие горы до самого горизонта! Ничего подобного я не видел ни разу в жизни! Под землёй исходил сотни километров, на самолёте пролетел тысячи, а на поезде проездил десятки тысяч... И только сейчас оказался на высокой горной вершине – словно на Эвересте в Гималаях!

Естественно, я стал бегать вокруг здания подъёмной машины и фотографировать всё подряд: задумчивого Г. на фоне Мустага; огромную деревянную бочку с большой кружкой на ней; живописные скальные останцы, похожие на развалины древних дворцов; белый крест на самой вершине; перистые облака над зелёной тайгой; столбы канатной дороги с подвешенными на тросах люльками; ёлки и пихты в бахrome свежего снега; домики Шерегеша и подъёмник ствола «Сибиряк» далеко внизу; скульптуру йети у горного кафе и синие горы, похожие на волны в океане; кучевые облака, скопившиеся в межгорных ущельях; лесное озеро вдали; гостиницы горнолыжного комплекса, напоминающие кукольные детские домики...

Неожиданно я увидел, что рядом со мной стоит Соколаев с камерой в руках и снимает в режиме макро

снежинки на листьях кустарника... Я, как и в случае с бутылкой на пеньке, очень удивился этому. Все как угорелые бегают по горе и снимают пейзажные панорамы, а этот бородач... всё делает не так, как другие. Стоит на одном месте и снимает какую-то «букашку»...

Но каждому своё! Наверное, он здесь уже бывал много раз – в отличие от меня. А потому наелся красивых пейзажей. Хочет снять нечто нестандартное, что не видно простому глазу... Действительно талант!

Соколаев совсем не замечал меня. Поэтому я сделал несколько кадров с ним. И когда сейчас рассматриваю их, мне в голову приходит «безумная идея»... Возможно, Соколаев заболел раком кожи после частых поездок в горы. Ведь он не был настоящим альпинистом, привыкшим к высокой солнечной радиации. Совершенно не обращал внимания на солнечные ожоги на лице, гоняясь за эффектными кадрами... Но это, конечно, только предположение... Интуиция человека, познакомившегося с радиацией в ранней молодости и этой радиации много хлебнувшего... Как пахнет газ радон, я хорошо знаю! Сладковато-тошнотворный запах разлагающегося трупа – вот как...

А Владимир Г., устав бегать по горным склонам, решил позавтракать на вершине Зелёной. Достал из рюкзака примус, поставил на него кружку с водой и поджёг спиртовку... За этим процессом с интересом наблюдали методистки из Центра ДТТ. Ну и я стоял рядом, снимая Г. Хорошо, что он меня не замечал. Заметил бы – убил сразу!

Снимки с Г., кипятившим кофе на вершине Зелёной горы, я впоследствии разместил на интернет-странице фотоклуба «Томь». И назвал их очень кратко: «Завтрак на снегу». К знаменитой картине Клода Моне они имеют косвенное отношение. Но женщины, правда, тепло одетые, на них присутствуют. Как и господин с бородкой клинышком...

Вот почти и всё, что я запомнил о той поездке в Горную Шорию. Могу только добавить, что по возвращении в Шерегеш дети из Дома творчества устроили для нас концерт. Я с восхищением смотрел на русских девочек в шорских национальных костюмах, танцевавших на сцене под шорские мелодии... Хотел было сфотографировать их, но оказалось, что мой аккумулятор разряжен. И произошло это именно тогда, когда я спустился с горы Зелёной. Я пожаловался Соколаеву на разряженный аккумулятор. Тогда мэтр взял мою записную книжку и оставил в ней свой автограф: адрес оптового рынка в Москве, на котором можно купить аккумуляторы ко всем маркам фотоаппаратов. Правда, я этим адресом до сих пор не воспользовался...

